

Тай.

Его звали Тай. Никто не знал, откуда он взялся в нашем дворе. Просто однажды появился у нашего подъезда – рыжий, лохматый, беспризорный пес, с висячими ушами и темно-кариими глазами.

Когда он хотел есть, то начинал лаять, будто выговаривая наши слова, и проделывал нехитрые собачьи трюки: подавал лапу, садился, кувыркался. Так он зарабатывал свой хлеб. С рук Тай никогда не ел и не вырывал угощение, как некоторые бездомные, он брал еду осторожно, бережно. Однажды я услышала, как соседка тетя Шура сказала своему маленькому внуку:

- Поучись-ка у Тая – он знает цену хлебу...

В благодарность за обед, Тай дружелюбно рычал или, широко расставив мохнатые лапы, тихонько хватался за край одежды и тянул к себе, а притянув, утыкался мокрым носом в колени.

В подъезд Тай заходил после третьего приглашения и при этом склонял голову на бок, будто спрашивая: «Вы действительно не против, если я зайду погреться? Я правда вам не помешаю?»

Тай был самой чудесной собакой на свете! Высшим критерием его собачьего счастья была свобода. Несколько раз Тая брали в дом – он сбегал. Его мыли, причесывали, регулярно кормили, но уже через два дня он снова возвращался к нашему подъезду. Мне тогда казалось, что, может быть, он согласился бы жить у меня, но у мамы была аллергия на животных, и я не могла взять Тая к себе.

Тай казался очень старым, но никто не знал сколько ему лет. Весь наш двор его подкармливал. Его знал весь наш город. Меня и Тая связывало общее пристрастие: Мы любили смотреть на закат.

Мне было тогда пятнадцать лет, и я жила в многоэтажке в центре города. В клетке многоквартирного муравейника. В нашем доме только и

было хорошего, что крыша. Взяв старый папин фонарик, мы с Таем поднимались на 14тый этаж пешком (лифты Тай не любил) и останавливались перед лестницей на крышу – она была для нас, как глоток свободы. Не знаю, кто и когда научил Тая взбираться по таким лестницам, но делал он это очень ловко.

Крыша. Рыжая от близкого заката. И все вокруг (и вверху и внизу) рыжее: город в суе людских непониманий, другие муравейники с сотнями глаз-окон и перьями антенн, облака и мы с Таем, присевшие у самого края крыши. Вернее, я «присевшая», а Тай обычно растягивался рядом, положив голову на свои могучие лапы. Закат приходил так медленно, как уходила жизнь. Сгущались краски, стихали голоса земли и становились громче ветра и неба. Опускался занавес дня, переливая из крынки в крынку все оттенки солнца: от багряного, красного, лилового до нежно-розового и золотого.

Тай смотрел не отрываясь. Однажды я взяла с собой на крышу бутерброды и предложила их Таю. Он посмотрел на меня так, будто я включила дождь и закатный день испорчен. А говорят, собаки цветов не различают...

Потом приходили сумерки. Все темнее становилась земля, а луна, бледная в закатные часы, все ярче. Зажигались окна, похожие теперь на блестящие дыры, начиналась зазывательная вечерняя песня всех мам:

- Вася! Домой!

- Аня, Аня, пора спать, сколько можно звать!

- Генка-паразит, марш домой, пока не прибила!

И звуки гитары, и смех, и карты на скамейке...

Я гладила лобастую Таеву голову. Иногда, сидя на крыше, мы с Таем мечтали, как мы будем жить, когда все совсем будет хорошо. Я говорила, а Тай слушал и, наверное, был не против, чтобы именно так все и было.

... Тем летом папа повез меня к морю. Там было здорово, что и говорить. Можно было целыми днями валяться на пляже и ни о чем не

думать, можно было дурачиться с папой, гулять с ним по берегу, говорить обо всем и знать, что он никуда не торопится.

А какие там были закаты! Таких с нашей крыши и не увидишь! И я все думала: приеду - расскажу Таю, как над морем заходит солнце. И мы с ним помечтаем, что когда-нибудь папа снова поедет со мной на море, и мы возьмем с собой Тая...

Но когда я вернулась домой, то не встретила Тая во дворе. Соседки рассказали мне, что его поймали какие-то мальчишки, связали лапы и пасть и тыкали ему в глаза горящим факелом, и шерсть подпалили. Кто-то увидел и разогнал их, но Тай ослеп и больше во дворе не появлялся. Не видели его и в соседних дворах, кварталах.

Я больше не ходила на крышу. Остаток лета прошел, как бесконечный дождливый день. Но однажды я решила все-таки подняться на крышу. Что-то совсем тоскливо мне было в этот вечер... Правда, закат давно прошел, были густые сумерки, почти ночь. Взяла фонарь и куртку, вышла из квартиры. И в колени мне тут же уткнулся сухой горячий нос. Тай...

Поднимались мы теперь медленно, и Тай виновато мотал хвостом, извиняясь, что не может быстрее. И по чердачной лестнице он теперь не мог подняться, пришлось его затаскивать. Луна была уже высоко, светила ярко. А кругом – сплошная ночь.

На глазах у Тая – мутная беловатая пленка, и даже не подумаешь ничего, пока не увидишь, как он сослепу неуверенно ходит. Таю хотелось заката. Я положила руку на его лобастую голову. У Тая не будет вечной ночи! В бессильной ярости я сжимала кулаки и плакала. И почти спокойным голосом рассказывала, какой красивый на морем закат. Почти такой же, как сейчас над домами. Только чуть-чуть поярче.